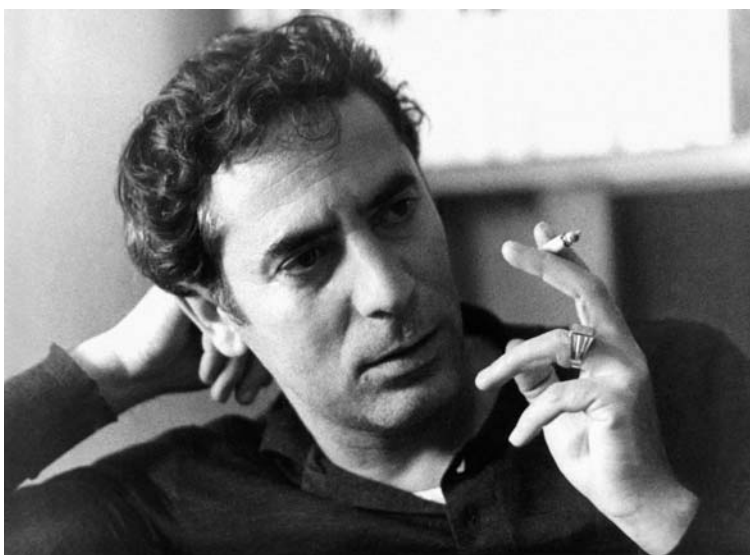

АНХЕЛЬ ГУТЬЕРРЕС: *«Готов бесконечно признаваться в любви к Чехову!»*

Материал подготовила Алина Бурмистрова

А. Гутьеррес на
Ленфильме 1967 г.

Есть люди, общение с которыми обогащает и вдохновляет. Рядом с ними время и пространство замирают и, кажется, преломляются во что-то неземное, надмирное, космическое. Они, словно островки интеллигентности, культуры и благородства.

Анхель Гутьеррес, бесспорно, принадлежит к числу таких людей, составляющих наш Золотой фонд. И какое счастье внимать его проникновенному голосу, каждому сказанному слову и мудрым мыслям! Знаменитый испанский режиссер, педагог, актер, руководитель Камерного театра имени А. П. Чехова в Мадриде, истинный Дон-Кихот от театра Анхель Гутьеррес представил в Москве книгу «Дневники русского испанца», выпущенную Издательским домом Академии имени Н. Е. Жуковского. Это живая летопись театральной и кинематографической жизни Москвы конца сороковых — начала семидесятых годов.

Попав в СССР в числе спасенных от гражданской войны испанских детей, Анхель после окончания школы поступил в ГИТИС, затем окончил Высшие режиссерские курсы при Госкомитете кинематографии. Работал в театре «Ромэн». Стоял у истоков создания Театра на Таганке. Привел туда Владимира Высоцкого, Леонида Филатова, Валерия Золотухина. Дружил с Юрием Любимовым, Анатолием Эфросом, Булатом Окуджавой, Сергеем Герасимовым, Андреем Тарковским, Евгением Урбанским, Артуром Макаровым и многими другими удивительными творческими людьми. Снимался в фильме Иосифа Хейфица «Салют, Мария!» и Андрея Тарковского «Зеркало».

Не удивительно, что Анхель Георгиевич, который, по его признанию, даже думает на русском языке, решил именно в России отметить свой 85-летний юбилей. Время, проведенное Мастером в Москве, было очень насыщенным — презентация книги в торговом доме «Библио-Глобус», творческий вечер в Доме-музее А.П. Чехова, поездка в Музей-заповедник А.П. Чехова «Мелихово», показ спектакля «Колдовская любовь» по мотивам произведения Гарсиа Лорки в театре «Ромэн» (постановка народного артиста РФ Г.Н. Жемчужного), встреча со студентами ГИТИСа.

Кульминацией стал праздничный вечер в Центральном Доме актера имени А.А. Яблочкиной. Поздравить Мастера с юбилеем пришли его ученики, друзья и поклонники творчества.

О том, как появились «Дневники...», о важных вехах своей удивительной биографии, любви к Антону Павловичу Чехову и творческих планах Анхель Гутьеррес поделился в интервью.

— Анхель Георгиевич, поздравляю с выходом книги! Расскажите подробнее, как складывались ваши «Дневники...».

— Изначально я писал для себя, сперва на испанском, а затем и на русском языке. Все началось с фразы моего великого гитисовского педагога Андрея Михайловича Лобанова: «Режиссер — мыслитель времени». Именно он велел нам, своим студентам, наблюдать за людьми, придумывать случайным попутчикам в метро истории их жизни, вести воображаемые диалоги, записывать свои мечты и мысли о людях, космосе, искусстве. Кто бы мог подумать, что спустя много лет это выльется в «Дневники русского испанца»! Недавно, перечитав свои записи, я позвонил другу всей моей жизни Дионисио, и он сказал: «Печатай непременно! Это документ эпохи. И ничего не меняй, — пусть все будет так, как ты тогда думал, поступал, писал».

Андрей Михайлович Лобанов — учитель и наставник

Для меня очень важно, что книга имеет формат дневников. Не перестаю восхищаться и перечитывать дневники моих любимых русских писателей — Толстого, Достоевского, и, конечно, Чехова. Дневники Антона Павловича, его письма братьям, друзьям, Лике Мизиновой, Ольге Книппер-Чеховой я знаю практически наизусть.

— С чего началась ваша любовь к Чехову?

— Когда я попал в ГИТИС, я сразу влюбился в театр, в Чехова. Андрей Михайлович Лобанов потрясающе говорил о нем и разбирал наши чеховские работы. Дипломный спектакль мне предлагали ставить во многих театрах. Но я сказал: «Я в Таганрог хочу, к Чехову!». Хотел знать улицы и атмосферу города, в котором он жил. Я проработал там три года и проникся этим городом. А вернувшись в Испанию, создал Камерный театр имени Чехова. Начинать с постановки «Палаты № 6», потом перешел на пьесы. В юности я увлекался живописью и музыкой, даже хотел связать с этими профессиями свою судьбу. И вы знаете, мне кажется, что Чехов — это вселенская музыка.

— Можете выделить наиболее запомнившиеся вам постановки его произведений? Почему именно они запали в душу?

— Конечно, за всю жизнь я видел великое множество постановок Чехова. И мне всегда

Анхель Гутьеррес.
3 года

А. Гутьеррес
в интернате
Болшево. 1946 г.

хотелось снять привычные клише со многих спектаклей. Я верю, что все эти режиссеры искренне пытались постичь тайну Чехова. Но он непостижим, и в этом его прелесть. Наиболее приблизился к его разгадке, по-моему, режиссер Питер Брук. Я видел его «Три сестры» и «Вишневый сад» в Париже. Потрясающе! Необычна и талантлива интерпретация «Вишневого сада» Джорджо Стрелера. Этих режиссеров я знал лично. Я видел интересный, но спорный спектакль Анатолия Эфроса «Три сестры», после которого он стал мне еще ближе духовно. Эта постановка очень меня взволновала! Критики, на мой взгляд, были к этому спектаклю несправедливы. Это же чистый Чехов! Эфрос пытался вникнуть в суть его вечной тайны. И я никогда не забуду финальный момент прощания героев. Они говорят: «Прощайте!», их слова отражает эхо. Какая истинно чеховская тоска! И это удивительным образом совпало с моим еще детским впечатлением от Чехова — звездная ночь, небо, одиночество, разобщенность людей. В этом вся суть, интонация и ностальгия «Трех сестер».

Но самая таинственная пьеса — «Чайка». И квинтэссенция этой пьесы — в первом монологе Нины Заречной о Мировой душе. На мой

взгляд, чайка не погибает. Она в вечном полете и будет парить, пока жива хоть одна человеческая душа. Мировая душа — это центр и сущность Чехова.

В моей последней «Чайке» много тем, но есть одна для меня важная — проблема интеллигенции. Это и для Чехова самая главная тема. В письме Суворину он писал: «Пока интеллигенция не будет освещать дорогу, мир слепой». Это сказано в гениальном монологе Треплева. У Чехова было предчувствие конца мира. Если интеллигенция не поймет свою роль в обществе, мир погибнет. В этом извечная актуальность этой пьесы...

— *Вы тепло говорите о своей дружбе с Анатолием Эфросом. Готовы ли вы следом за ним повторить, что «репетиция — любовь моя»?*

— Да, репетиция для меня — важнейший сакральный процесс. Особенно вспоминаются наши репетиции с моим последним режиссерским курсом в ГИТИСе. Это было накануне моего отъезда в Испанию, поэтому мне запрещали репетировать. Выделили помещение тира и дали время с двенадцати ночи до шести утра. Думали, что я откажусь. А я согласился. Все творческие люди знают, что это очень плодотворное время. Мы работали тогда над

А. Гутьеррес вместе
с В. Смеховым
и В. Золотухиным
1984 г.

С Олегом
Ефремовым.
1989 г.

постановкой пьесы Валентина Катаева «День отдыха». И я пытался внушить своим студентам, что репетировать надо так, будто каждая репетиция — последний шанс и нужно выкладываться до предела. Как и Анатолию Эфросу, с которым мы вместе учились в ГИТИСе (он был старше меня на три курса), мне близка методика аналитического подхода к разбору роли, поиск тонких психологических нюансов и открытие новых смыслов, которые находятся в подтексте.

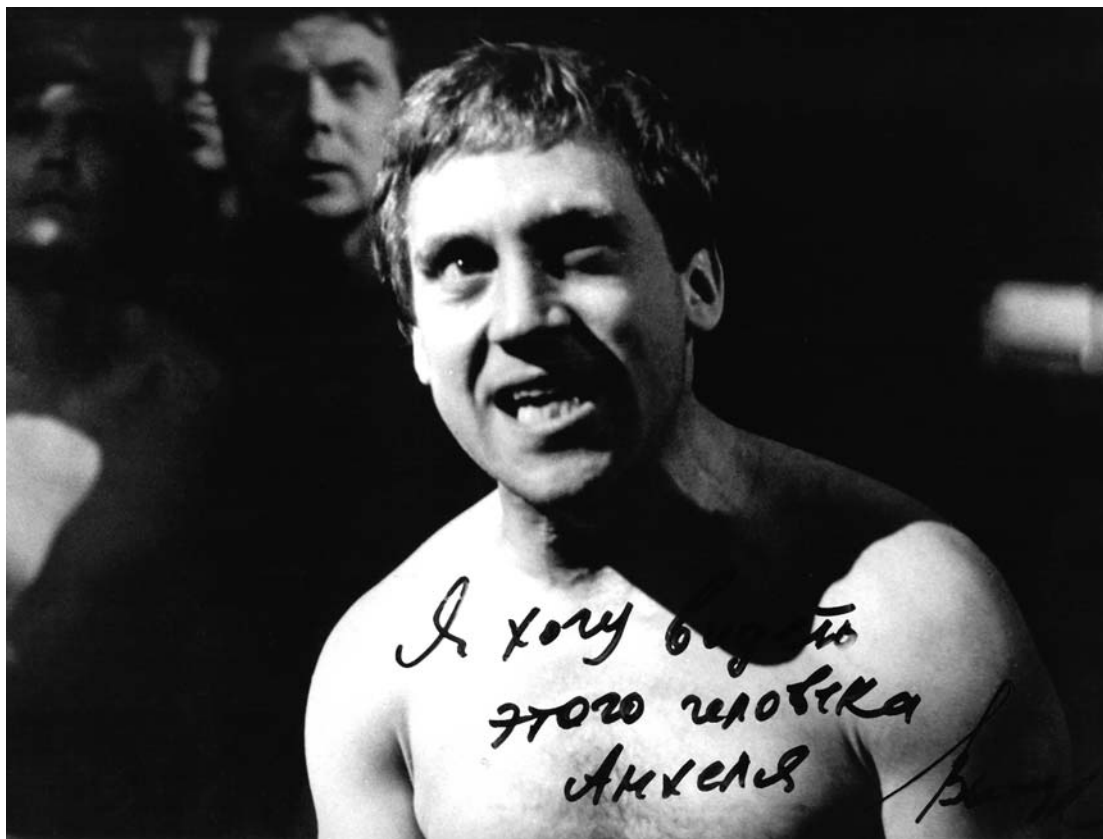
— *Чайка является бессменным символом МХАТа. Вас с этим театром тоже связывают особые отношения.*

— Да, мхатовские традиции для меня очень дороги. Еще в студенческие времена я был направлен на практику именно в этот театр. Это было в 1952 году. Вот что я писал в своем дневнике по этому поводу: «Хочу увидеть весь процесс создания спектакля в таком замечательном театре как МХАТ. Меня интересует первоначальная, застольная работа и первые шаги на сцене крупнейших артистов нашей страны. Рад проходить практику именно в этом театре, потому что здесь остались традиции К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко и их учеников». Позже сложилась наша замечательная компания: Роберт Рождественский, Андрей Тарковский, Володя Высоцкий, Булат Окуджава. Я входил в худсовет театра «Современник», где сдружился с Олегом Ефремовым. Потом он по моей просьбе давал уроки в мадридской Школе театрального искусства. А я приезжал в Москву на мхатовский юбилей и на Чеховский театральный фестиваль в 1988 году со спектаклем «Дядя Ваня».

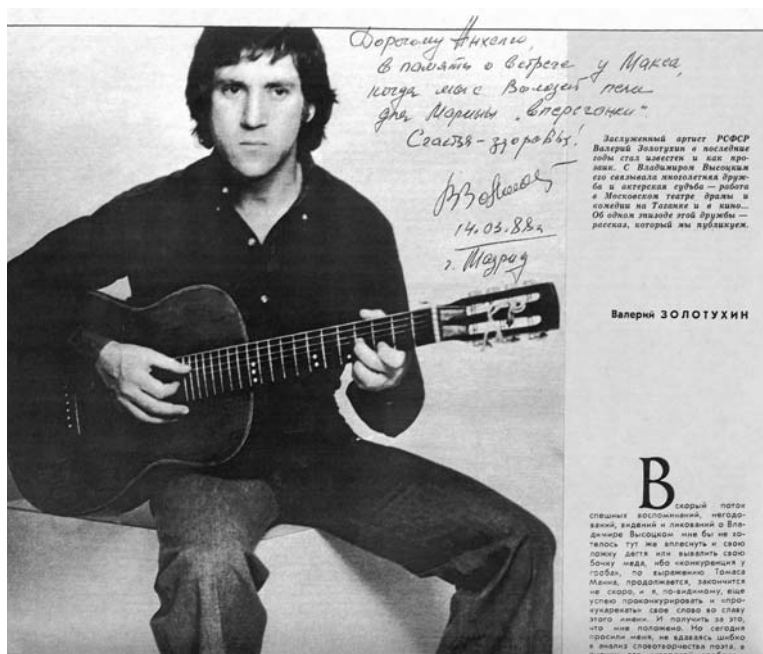
— *А почему вы, театральный режиссер, решили поступать на Высшие режиссерские курсы при Госкомитете кинематографии?*

— Действительно, к моменту поступления

Высоцкий в роли Гамлета с личным автографом. 1964 г.

Газета с автографом В. Золотухина

к Любимову. Высоцкого выгнали за прогулы из Театра Пушкина, и Тарковский просил меня помочь. А я дружил с Юрием Любимовым еще до Таганки. И когда мне сообщили о ситуации с Высоцким, я позвонил ему и сказал, что приведу к нему актера, за которого он мне потом всю жизнь будет благодарен.

Так и вышло. Я присутствовал на прослушивании. Любимов был в восторге от Володи, который сначала прочитал стихотворение, а потом спел так, что у всех захватило дух. Так он стал артистом Театра на Таганке. А потом вышло так, что через общих друзей я познакомил Володю с Мариной Влади. Всю ночь Володя и Валерий Золотухин, соревнуясь за Марину, пели ей песни. Первым начал Золотухин, спел «Ноченьку», «Камаринского мужика», народные песни. Конечно, он хотел поразить Марину. А потом я предложил спеть Володе. Он сразу же согласился, будто только и ждал этого момента и посмотрел на меня как на своего спасителя. Он спел про Марину Влади, и «На нейтральной полосе», и много других песен. Между ними сразу возникло взаимное притяжение.

— Да, замечательная история... А что планируете в будущем?

— Я хочу поставить «Воскресение» Л.Н. Толстого на сцене своего Камерного театра в Мадриде. Планирую и дальше знакомить испанских зрителей с русской классикой. Но главным автором всей моей жизни для меня был и остается Чехов. Хочу и дальше ставить его великие произведения и бесконечно признаться ему в любви! **ИБ**